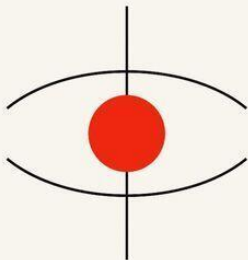

18+
Гасгон Д'Арси

МАМИХЛАПИНАТАПАЙ

Гастон Д'Арси

Мамихлапинатапай

<https://litres.ru/74401644>

ISBN 9785007112789

Аннотация

Мамихлапинатапай — слово, которым называют взгляд между двумя людьми: каждый ждёт, что первый шаг сделает другой. В этой книге оно становится названием целого пространства — между домом и дорогой, памятью и настоящим, свободой и желанием быть рядом. Финское Заполярье и Тулуза, Москва и Париж, Одиссей и Дюма, чужие города и собственное прошлое складываются в девять рассказов и эссе о том, что человек уносит с собой, от чего пытается освободиться и куда в действительности возвращается.

Содержание

ГАСТОН Д'АРСИ	5
Мамихлапинатапай	6
...	8
...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мамихлапинатапай

Гастон Д'Арси

© Гастон Д'Арси, 2026

ISBN 978-5-0071-1278-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГАСТОН Д'АРСИ
МАМИХЛАПИНАТАПАЙ
рассказы и эссе
ММХХVI
СОДЕРЖАНИЕ

1. Мамихлапинатапай
2. На Восточном вокзале Парижа стояли бежевые «Жигу-
ли»
3. Погода действительно благоприятствовала любви
4. 15 февраля по-местному стилю
5. Жёлтое вино
6. Банка с клеем за пазухой
7. Плов для призрака
8. Дверь
9. Рассвет

Мамихлапинатапай

Наблюдатель находился над Финляндией уже сорок три земных года.

«Над» — приблизительное слово.

Для его положения человеческая геометрия вообще подходила плохо. Иногда ближайшей координатой оказывались триста метров над поверхностью озера Инари, иногда — внутренняя сторона кухонного стекла, иногда — пространство между двумя людьми, настолько малое, что туда не поместился бы даже комар.

Сам наблюдатель помещался.

Его камера тоже.

Устройство не обладало невидимостью в том примитивном смысле, который земляне любят приписывать своим фантастическим аппаратам. Оно просто находилось за пределами диапазонов, которыми человеческий организм привык подтверждать существование вещей.

Никакого луча.

Никакого жужжания.

Никакой красной точки на лбу.

Никакой тени.

Поэтому человечество не знало, что уже несколько тысяч лет составляет собой чрезвычайно длинный документальный материал.

Наблюдатель особенно любил Финляндию.

По причине статистической.

Здесь люди производили мало лишних движений.

Для камеры это было удобно.

. . .

I. ЛЕТО

В двадцати семи километрах от Инари имелась дорога, которую даже местные жители считали дорогой преимущественно из уважения к картографии.

Асфальт закончился раньше памяти о нём.

Дальше существовала широкая полоса сероватого щебня, по сторонам — сосны, карликовые берёзы, морошковая низина, вода среди камней, ещё вода, затем снова камни, а над всем этим июльское небо Финской Лапландии: светлое до неприличия, будто ночь здесь не отменили, а забыли включить.

У озера стоял дом.

Красный.

Разумеется.

Белые наличники.

Разумеется.

Старая лодка вверх килем.

Тоже разумеется.

Если бы Наблюдатель обладал чувством национального стереотипа, он заподозрил бы декоратора.

Но декоратора не было.

В доме временно обитала Айно Хейккинен.

Двадцать девять земных лет.

Сто шестьдесят восемь сантиметров.

Температура поверхности кожи левой щеки — 32,4 градуса.

Небольшой шрам под подбородком.

Пять книг возле кровати, из них три начаты.

Кофе без сахара.

Профессия, которую камера определяла плохо: Айно несколько часов в день переставляла слова на экране компьютера, иногда меняла одно на другое, после чего долго смотрела в окно.

По человеческой классификации это называлось переводом.

По классификации Наблюдателя — операцией с неустановленным результатом.

В тот день у дома появился Туомас Лехтинен.

Появился — тоже слишком активное слово.

Сначала в дальнем конце дороги возник старый серый Volvo.

Потом Volvo приблизился.

Потом некоторое время ничего.

Затем возле машины обнаружился высокий человек в выцветшей зелёной рубашке, с пластиковым контейнером черники и выражением лица, свойственным людям, заранее готовым извиниться за собственное присутствие.

Айно находилась на крыльце.

Туомас — возле калитки.

Между ними — двадцать три метра, комары и почти безветренный воздух.

— Привет, — произнёс Туомас.

Айно ответила тем же словом.

Последовала пауза продолжительностью 4,8 секунды.

Наблюдатель отметил её как значимую.

Человеческие паузы вообще представляли собой один из наиболее сложных объектов изучения.

Молчание после вопроса не равнялось молчанию перед поцелуем.

Молчание возле гроба не равнялось молчанию в лифте.

Молчание двух финнов могло не означать вообще ничего и продолжаться сорок минут.

Поэтому требовалась осторожность.

Туомас поднял контейнер.

— Черника.

— Вижу.

Ещё 3,1 секунды.

— Много.

— Да.

Это считалось разговором.

Через одиннадцать минут оба находились возле воды.

Не благодаря приглашению.

Фразы, которую можно было бы уверенно идентифицировать как приглашение, камера не зарегистрировала.

Однако первоначальные двадцать три метра сократились до восьмидесяти сантиметров.

Наблюдатель записал:

Вероятно, у вида *Homo sapiens* существует коммуникация посредством последовательного уменьшения расстояния.

Вода озера сохраняла стальной оттенок даже под солнцем. У противоположного берега темнели хвойные островки. Поверхность казалась неподвижной, хотя датчики показывали непрерывное перемещение миллионов кубических метров вещества.

Люди обладали похожим свойством.

Айно молчала.

Туомас тоже.

Внутри каждого — дыхание, сокращения миокарда, электрические импульсы, микронапряжение мышц, вспышки внимания, воспоминания, возможно страх.

Снаружи — два человека на деревянном настиле.

Почти ничего.

— Холодная, наверное, — наконец предположил Туомас.

Айно посмотрела на воду.

Потом на Туомаса.

Вот здесь Наблюдатель впервые увеличил изображение.

Не лицо.

Глаза.

Её зрачки.

Его зрачки.

Направления оптических осей пересеклись.

Продолжительность — 1,7 секунды.

Оба хотели оказаться в воде.

Оба ожидали инициативы второго.

Ни один не произнёс предложения.

Запись получила техническое обозначение:

Событие 11-07-LAP-Δ. Взаимная задержка намерения.

Первой нарушилась не воля.

Погода.

На озеро свалился дождь.

Не постепенно, не через дипломатическое предупреждение редкими каплями, а целой северной стеной воды.

За несколько секунд поверхность исчезла под бесчисленными ударами. Причал почернел. Волосы Айно приклеились ко лбу. Рубашка Туомаса утратила статус одежды и превратилась в мокрую ткань, описывающую анатомию.

И именно тогда бессмысленность дальнейшего сохранения сухости сделалась очевидной.

Через сорок секунд оба уже находились в озере.

Камера приблизилась.

Вода — 12,8 градуса.

Воздух — 17,1.

Частота дыхания Туомаса почти удвоилась.

У Айно — тоже.

Но Наблюдатель почему-то не занёс это в медицинскую часть отчёта.

Люди смеялись.

Смех всегда ставил его в тупик.

Организм производил судорожные выдохи, частично терял контроль над дыханием, сокращал мышцы живота, иногда выделял слезу — и классифицировал всё это как удовольствие.

Айно оказалась дальше от настила.

Туомас — рядом.

Волна приподняла обоих.

Потом ещё одна.

Его рука оказалась возле её плеча.

Не коснулась.

Между пальцами и кожей сохранялось около четырёх сантиметров.

Камера автоматически навела резкость.

Четыре сантиметра.

Потом три.

Потом снова пять.

Никакого события.

Именно поэтому событие оказалось существенным.

...

Ночью Туомас остался в доме.

Формально — из-за дождя.

Дождь закончился за двадцать две минуты до того, как это объяснение было сформулировано.

Около двух часов они находились за кухонным столом.

Кофе.

Черника.

Ржаной хлеб.

Сыр.

Разговор о Хельсинки, где Айно больше не хотела жить.

Разговор о Рованиemi, куда Туомас не хотел возвращаться.

Разговор о матери Айно.

О старом отце Туомаса.

О работе.

О северном свете, который летом отсутствует именно потому, что само небо отказывается выключаться.

Затем слова постепенно редели.

Между репликами возникали всё более широкие территории.

В 01:43 Айно посмотрела на Туомаса.

В 01:43:02 Туомас — на Айно.

В 01:43:04 оба отвели глаза.

Камера не понимала.

Расстояние позволяло прикосновение.

Физиологические показатели указывали на желание приблизиться.

Опасность отсутствовала.

Социального запрета датчики не обнаруживали.

Никакой третьей особи поблизости.

И всё же движение не возникло.

Для цивилизации Наблюдателя такое поведение выглядело почти патологическим.

Если действие желательно двум субъектам и не причиняет ущерба, рациональная система его осуществляет.

Человек оказался устроен иначе.

Возможно, подумал Наблюдатель, именно поэтому их планета до сих пор принадлежит им.

Рациональная цивилизация давно бы её оптимизировала до полной непригодности для жизни.

В 02:16 Туомас оказался на диване.

Айно — за дверью спальни.

Ни один не спал ещё сорок семь минут.

Камера одновременно видела обоих.

Так завершился первый сезон.

Ничем.

Наблюдателю это понравилось.

. . .

II. ЗИМА

Через пять земных месяцев камера обнаружила другую пару.

Примерно в ста километрах севернее Рованиemi.

Декабрь.

Полярная ночь.

Мир, из которого цвет убрали как излишнюю информацию.

Снег обладал десятками оттенков, но человеческий язык лениво называл их белым.

Сосновые стволы — чёрным.

Небо — синим.

На самом деле всё было значительно сложнее.

Возле старой деревянной гостиницы в лесу находились две человеческие особи.

Первую звали Вейкко Сааринен.

Пятьдесят восемь лет.

Бывший преподаватель истории.

Владелец здания, доставшегося от родителей.

Существование гостиницы экономического смысла почти не имело, но Вейкко продолжал поддерживать в ней тепло, чинить водостоки, менять простыни в комнатах, где никто не

ночевал, и каждое утро включать вывеску MAJOITUS, хотя ближайший потенциальный постоялец мог находиться в Норвегии.

Второго человека звали Луми Корхонен.

Тридцать четыре года.

Именно «второго человека», а не мужчину или женщину.

Наблюдатель сначала попытался выполнить обычную биологическую классификацию, затем получил противоречивые социальные данные, после чего впервые за сорок три года наблюдений столкнулся с исключительно разумным человеческим решением:

Луми не считал необходимым принадлежать ни к одной из двух категорий, которыми остальные так дорожили.

Наблюдателю это понравилось ещё больше.

Его собственный вид имел семь репродуктивных состояний, из которых только три были совместимы между собой, поэтому земная уверенность в обязательности числа два всегда казалась ему несколько провинциальной.

Луми появился в гостинице после поломки автобуса.

То есть опять-таки не совсем появился.

Сначала автобус прекратил соответствовать назначению автобуса.

Потом пассажиры несколько часов существовали возле него в морозе.

Потом такси распределили их по окрестностям.

Луми досталась гостиница Вейкко.

Комната номер шесть.

Окно на лес.

Кровать.

Стул.

Радиатор, производивший металлическое потрескивание с выражением старческого недовольства.

И тишина.

На следующий вечер Луми спросил:

— Что здесь вообще можно делать?

Вейкко некоторое время рассматривал чашку.

— Зимой?

— Сейчас.

— Практически ничего.

— Хорошо.

Пауза.

— Можно съездить в Швецию.

Луми поднял глаза.

— Зачем?

Вейкко пожал плечами.

И здесь, по неизвестной причине, человеческая история получила направление.

— За селёдкой.

...

Существовали продукты, которые Наблюдатель уже изучал.

Хлеб.

Молоко.

Мясо.

Алкоголь, особенно полезный для наблюдений, поскольку после определённой концентрации этанола люди начинали сообщать вслух сведения, которые трезвыми тщательно скрывали.

Но объект под названием surströmming отсутствовал в его базе.

Поисковая система камеры предложила химический анализ.

Наблюдатель ознакомился.

Повторил анализ.

Заподозрил неисправность сенсоров.

Согласно данным, люди помещали балтийскую сельдь в солёный раствор, позволяли бактериальному брожению создать смесь летучих кислот и соединений серы, герметизировали результат в металлической банке, транспортировали по торговым сетям и затем добровольно употребляли внутрь.

Вейкко хотел именно этого.

Причём не ближайшую банку.

Не интернет-заказ.

Не супермаркет в Хапаранде, куда можно было добраться относительно разумно.

Нет.

В его представлении требовался Гётеборг.

Более тысячи километров южнее.

На другом конце Швеции.

— Почему Гётеборг? — спросил Луми.

— Там хороший магазин.

— Ты там был?

— В 1998 году.

— Магазин ещё существует?

— Не знаю.

Луми медленно улыбнулся.

И камера зафиксировала знакомое явление.

Оптические оси.

Пересечение.

Ожидание.

Взаимная задержка намерения.

Событие 19-12-LAP-Δ.

То же самое.

Только теперь предметом невысказанного желания являлась поездка длиной в две с лишним тысячи километров ради банки ферментированной рыбы.

Наблюдатель начал подозревать, что нашёл фундаментальный человеческий принцип.

— У тебя машина есть? — спросил Луми.

Вейкко посмотрел в окно.

Возле гостиницы под снегом угадывался старый тёмно-зелёный Saab.

— Теоретически.

— А практически?

— Тоже. Но хуже.

Через сорок минут в Saab находились:

Вейкко.

Луми.

два термоса;

шерстяное одеяло;

лопата;

фонарь;

пять бутербродов с оленьей колбасой;

апельсин;

запасные носки;

кабель для запуска двигателя;

и совершенно недостаточное количество здравого смысла.

Началась экспедиция.

...

Камера сопровождала Saab.

Север оставался позади не как территория, а как состояние вещества.

Сначала плотная темнота.

Потом редкие фонари.

Потом Оулу.

Море справа — невидимое, но присутствующее холодом.

Дальше — Торнио.

Граница, которая для камеры не существовала вообще, а для людей обозначалась несколькими дорожными знаками.

Хапаранда.

Швеция.

Именно здесь находились магазины, где сюрстрёмминг можно было приобрести без путешествия до Гётеборга.

Saab проехал мимо.

Наблюдатель сделал отдельную запись:

Рациональное объяснение экспедиции окончательно отвергнуто.

Южнее возник день.

Небольшой, серый, скупой.

Луми спал, прижавшись виском к холодному боковому стеклу.

Вейкко иногда поворачивал голову.

Не касался.

Не поправлял сползший шарф.

Только температура его лица всякий раз увеличивалась на несколько десятых градуса.

Камера умела измерять это идеально.

Смысла не понимала.

Под Умео разговор коснулся любви.

Не потому, что люди выбрали тему.

У людей важные разговоры вообще редко возникали намеренно.

Сначала речь шла о гостинице.

Потом о матери Вейкко.

Потом о человеке, с которым Луми прожил шесть лет.

Потом:

— Он не понимал?

Луми посмотрел на дорогу.

— Всё понимал.

— Тогда почему?

— Понимать мало.

Вейкко кивнул.

Прошло семнадцать секунд.

— А что нужно?

— Иногда ничего.

Ещё девять.

— Иногда чтобы другой начал первым.

Руки Вейкко оставались на руле.

Камера приблизила изображение.

Большой палец правой руки едва заметно переместился по коже рулевого колеса.

Три миллиметра.

Почему-то Наблюдатель сохранил этот фрагмент отдельно.

...

Гётеборг встретил их дождём.

После лапландского снега вода сверху казалась почти тропическим излишеством.

Трамваи.

Мокрый гранит.

Каналы.

Портовые краны.

Фасады, отражённые в чёрной мостовой.

Непривычное количество людей.

Луми, проведший двое суток почти исключительно рядом с одним человеком, среди городской толпы вдруг оказался ближе к Вейкко.

На расстоянии плеча.

Потом локтя.

Потом рукава.

Контакта не было.

Магазин 1998 года действительно исчез.

На его месте находилась аптека.

Вейкко долго смотрел через стекло на витамины и средства от геморроя.

— Тридцать часов, — заметил Луми.

— Да.

— Ради аптеки.

— Раньше была селёдка.

— Естественно.

— Хорошая.

— Не сомневаюсь.

Камера зарегистрировала смех.

У обоих.

Почти одновременно.

Далее последовало то, что Наблюдатель позднее классифицировал как человеческую победу над целесообразно-

стью.

Они не стали искать ближайший крупный супермаркет через навигатор.

Вместо этого город начал медленно пропускать их через себя.

Рыбный рынок.

Мокрые переулки.

Кофейня.

Ещё одна.

Трамвай без необходимости.

Порт.

Разговор с продавцом, который сперва не понял, зачем два финна пересекли Швецию ради продукта, который сами шведы старались открывать подальше от жилья.

Наконец — маленькая лавка.

На нижней полке холодильника.

Три банки.

Вздутые металлические крышки.

Предмет путешествия.

Вейкко взял одну.

Потом вторую.

Посмотрел на Луми.

Луми — на него.

— Одной хватит.

— Наверное.

Купили три.

...

Настоящая кража произошла ночью.

И Наблюдатель так и не понял зачем.

Банки уже принадлежали им.

Чек имелся.

Право собственности не нарушалось.

Тем не менее около трёх часов ночи, возле закрытого лодочного клуба на окраине Гётеборга, возникла необходимость открыть одну банку.

Почему возле лодочного клуба?

Потому что Вейкко заявил, что сюрстрёмминг нельзя открывать в машине.

Почему не возле гостиницы?

Потому что гостиница была ещё не найдена.

Почему вообще сейчас?

На этот вопрос человеческая логика ответа не содержала.

Ограда лодочного клуба оказалась запертой.

За ней — маленький пирс.

Вода.

Стол.

Место для химически опасной гастрономии.

Луми посмотрел на замок.

Вейкко — на Луми.

Вот он.

Опять.

Тот же взгляд.

Айно и Туомас перед холодным озером.

Теперь Вейкко и Луми перед чужой оградой.

Оба знали, чего хотят.

Оба рассчитывали на инициативу другого.

Наблюдатель уже почти мог предсказать дальнейшее.

Луми первым перебросил через ограду рюкзак.

Через семь минут оба находились на пирсе.

Это и была кража.

Не рыбы.

Не лодки.

Не имущества.

Они украли около двадцати минут чужого пространства.

Вейкко поддел крышку ножом.

Камера зарегистрировала изменение давления.

Потом — выброс жидкости.

Потом — молекулы.

Сенсор химического состава автоматически перешёл в аварийный режим.

Наблюдатель впервые за сорок три года отдал камере команду увеличить дистанцию.

Луми согнулся пополам от смеха.

Вейкко сохранял достоинство около трёх секунд.

Потом утратил.

Запах распространялся над водой как самостоятельная форма жизни.

Луми, закрыв нос воротником, пытался положить кусок

рыбы на хлеб.

Вейкко объяснял что-то о картофеле, луке и сметане.

Ничего из перечисленного у них не было.

Имелись ржаные хлебцы и гостиничный пакетик сливочного масла, случайно оставшийся в кармане Вейкко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.